ISSN 0130-1616

ЗНАМЯ

1989

Июль

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В публикуемом отрывке из обширных мемуаров В. А. Новобранца рассказывается о его работе в Разведуправлении Красной Армии.

- В. Новобранец
  -
  - КОММЕНТАРИИ КАНДИДАТА ВОЕННЫХ НАУК ЮРИЯ НИКОЛАЕВИЧА ЗОРЯ
- notes
  - 1
  - 2

В. Новобранец
НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

Автор воспоминаний, предлагаемых вниманию читателя, не дожил до их публикации. Василий Андреевич Новобранец умер в 1984 году.

Перед началом войны он, молодой подполковник, окончил две военные академии, возглавлял информационный отдел Разведуправления Красной Армии. Конечно же, он получал достоверную информацию о подготовке фашистской Германии к нападению на Советский Союз. По причинам, описанным в воспоминаниях, информация эта не доходила до высшего руководства. Тогда на свой страх и риск В. А. Новобранец разослал в войска *сводку об истинном положении дел на границе — знаменитую сводку № 8, которая легла также на стол Сталину и Берии.*

В старой папке, где хранятся донесения, предупреждающие о нападении фашистской Германии, есть резолюция Берии: «В последнее время многие работники поддаются на наглые провокации и сеют панику. Секретных сотрудников… за систематическую дезинформацию стереть в лагерную пыль, как пособников международных провокаторов, желающих поссорить нас с Германией…» Подпись: «Л. Берия, 21 июня 1941 года». И еще — из докладной записки Берии Сталину 21 июня 1941 года: «Начальник Разведуправления, где еще недавно действовала банда Берзина, генерал–лейтенант Ф. И. Голиков жалуется на… своего подполковника Новобранца, который тоже врет, будто Гитлер сосредоточил 170 дивизий против нас на нашей западной границе…

Но я и мои люди, Иосиф Виссарионович, твердо помним Ваше мудрое предначертание: в 1941 г. Гитлер на нас не нападет!..»

Едва ли стоит объяснять, почему подполковник В. А. Новобранец был смещен со своего поста.

В публикуемом отрывке из обширных мемуаров В. А. Новобранца рассказывается о его работе в Разведуправлении Красной Армии.

С юношеских лет, когда я еще ходил с пастушеским кнутом, мечтал служить в Красной Армии, и, конечно, не рядовым. А для того, чтобы стать командиром, надо было учиться и учиться. Служить предполагал в обычных войсках — пехоте, артиллерии, коннице, с развитием техники — может быть, в механизированных или в авиации. О разведке не думал. Больше

того, работать в разведке я просто не желал и старался быть от нее подальше. У разведки среди офицеров была плохая репутация: там продвижения по службе не дождаться. А мы, молодые офицеры, не были лишены некоторой доли честолюбия, стремились к росту.

Доходили до нас также слухи, что в разведке люди «исчезают» — таинственно, быстро и без следа. Например, в 1937 году исчез начальник Разведотдела штаба Ленинградского военного округа полковник Гродис. Лишь недавно я узнал, что он сидел в концлагере, а годы спустя был реабилитирован. Один за другим «пропали без вести» начальники Разведуправления Ян Берзин, Урицкий, зам. начальника Разведупра Никонов и многие другие. Что ж удивительного в том, что молодые офицеры чурались разведки как черт ладана.

Это была, так сказать, субъективная причина, почему я не хотел даже думать о работе в разведке. Но были и объективные причины.

Мои представления о стратегической разведке, о ее организации и характере работы были весьма примитивны. Специального курса по этой части ни в Академии имени Фрунзе, ни в Академии Генштаба тогда не было. Познания о разведке я пополнял главным образом из приключенческой литературы типа «Маты Хари», а также из разных брошюр «о коварных методах». За время учебы в двух академиях мне запомнились только два факта из истории разведки. Один — о том, как разведка царской армии купила за крупную сумму золотом «план развертывания японской армии», оказавшийся обычным, не секретным полевым уставом. Другой — о том, как русская разведка путем шантажа заставила начальника австрийской разведки полковника Редля выдать план развертывания австрийской армии. Однако Редль был своевременно разоблачен австрийской контрразведкой, а план переделан. В результате русская армия на театре войны в 1914 году встретила уже совершенно другую группировку австрийской армии и ударила по «пустым местам».

Все же, что касалось советской разведки, было для нас тайной' за семью печатями. О ней не полагалось даже говорить. Много мы слышали коварных методах» других разведок, но о нашей, о советской, все молчали, будто ее вообще не существовало. Только потом я узнал, что советская военная разведка уже в то время была самой лучшей и самой сильной разведкой в мире.

Мне до сих пор непонятно, почему в академиях не давали будущим работникам крупных штабов хотя бы сокращенных знаний о службе разведки. Пробелы в этой области я особо остро

почувствовал в первые дни работы в Разведуправлении Генштаба. Мне удалось за сравнительно короткий срок освоить новое для меня дело, вероятно, благодаря оперативно–стратегическому кругозору, полученному в период работы в штабе ЛВО под руководством Б. М. Шапошникова.

«Сосватали» меня в разведку не совсем обычным образом.

После боев на Халхин — Голе командующий фронтовой группой командарм 1-го ранга Штерн, член Военного совета фронта Бирюков и я — по должности зам начальника оперативного отдела, в звании майора — приехали в Москву, чтобы доложить Политбюро ВКП(б) план развертывания войск Дальневосточного фронта на 1940 год. Моя роль, конечно, была очень скромной: по мере надобности я передавал оперативные разработки командарму Штерну.

Командование Дальневосточного фронта считало, что халхин–гольская авантюра — только пробный шар, запущенный японской военщиной. В будущем следует ожидать более крупных военных действий, возможно, даже большой войны. Поэтому нам следует держать порох сухим, то есть сверх имеющихся оборонительных сил на границах создать дополнительно несколько фронтовых управлений, свыше десяти полевых армий из нескольких десятков дивизий каждая и несколько механизированных корпусов.

Утверждение этого, казалось бы, необходимого плана на Политбюро проходило в крупных и жарких схватках главным образом со Сталиным и Ворошиловым. Они были основными противниками плана Штерна. Командарм с этих совещаний приезжал очень возбужденный и по–армейски круто и крепко выражал свои чувства. Все же он в конце концов добился своего: Политбюро утвердило план, и все войска к концу 1940 года были развернуты.

Оценивая этот факт сейчас, можно сказать, что еще зимой 1939–40 года были заложены основы нашей декабрьской победы под Москвой в 1941 году. Заслуга в этом принадлежит командарму Штерну, а также бывшему начальнику Оргмоботдела фронта полковнику Ломову, ныне генерал–полковнику, непосредственно разработавшему план. Штерн же при «неизвестных обстоятельствах» исчез.

Трудно себе представить, чем бы закончилось сражение под Москвой, если бы туда не были переброшены готовые к бою дивизии с Дальнего Востока.

Здесь уместно вспомнить донесение Зорге о том, что Япония не выступит против СССР. Есть мнение, что это донесение позволило снять войска и тем самым спасти Москву. Но ведь не

будь готовых к бою дивизий на Дальнем Востоке и в Сибири — и донесение Зорге не имело бы решающего значения.

Я не отрицаю значения подвига Зорге. Его донесение придало нашему командованию больше спокойствия и уверенности — в то время, учитывая обстановку всеобщей нервозности, это имело колоссальное значение.

В Москве я встретился с однокашником по Академии Генштаба полковником Пугачевым Григорием Петровичем, рассказал ему о событиях на Халхин — Голе и о цели нашего приезда. На мой вопрос, где он работает, Пугачев ответил невнятно. Прощаясь, пообещал еще встретиться со мной.

Через несколько дней в Генштабе ко мне подошел незнакомый офицер:

— Вы майор Новобранец?

— Да, я.

— С вами хочет побеседовать начальник Разведывательного управления Генштаба генерал–лейтенант Проскуров. Зайдите к нему вот по этому адресу.

Признаюсь, неприятный холодок сжал мое сердце. Чего ради моей персоной заинтересовалась разведка? Больше всего я опасался за служебные перспективы. Командарм (Штерн хорошо ко мне относился, ценил меня и уже предназначил на должность начальника штаба армии. А разведка в те времена имела право брать к себе на службу из армии любого офицера и генерала. Очень не хотелось идти к Проскурову. «Но, — подумал я, — в личной беседе докажу ему свою непригодность для работы в разведке».

Поехал по указанному адресу. Дежурный офицер немедленно выписал пропуск, и так же немедленно меня принял начальник Разведупра Генштаба генерал–лейтенант авиации Проскуров.

В небольшом хорошо обставленном кабинете я увидел молодого человека среднего роста, плечистого, со светлыми глазами и волосами. Встретил он меня тепло и, улыбаясь, стал расспрашивать о службе. Не успевал я отвечать на один вопрос, как следовал другой, третий. На некоторые вопросы он сам же и отвечал. Было ясно, что он хорошо знает мою биографию. Затем Проскуров прямо спросил:

— А не хотите ли, майор, пойти на службу в разведку?

— Нет, товарищ генерал, не желаю!

— А почему? Я не собираюсь вас посылать за границу. Будете работать здесь, у меня. По характеру работа будет чисто штабная, а по масштабам — большая, интересная.

— Нет, товарищ генерал, прошу оставить меня в штабе фронтовой группы. Работу там я уже знаю, люди все известны, в

Чите мне уже и квартиру выделили. Уходить с этой работы очень не хочется. А вашей работы я не знаю, специальной подготовки не имею и вряд ли буду полноценным работником.

— Ничего, новую работу вы освоите, — успокаивал меня Проскуров, — у вас хороший оперативно–стратегический кругозор, большой опыт оперативной работы в крупных штабах. Подумайте и завтра дайте ответ.

Вышел я от Проскурова в скверном настроении. Конечно, ни завтра, ни послезавтра я к нему не пошел и никакого ответа не дал. А когда дня через два рассказал Штерну о встрече с Проскуровым, он с явной досадой заметил:

— Эх, напрасно вы туда ходили…

Вскоре мы выехали в Читу, и я продолжил работать в штабе фронтовой группы. В феврале или начале марта 1940 года Штерн показал мне только что полученную шифровку: «Откомандировать майора Новобранца в распоряжение Управления кадров. Щаденко».

Я взмолился:

— Товарищ командарм, помогите! Не хочу служить в разведке!

— Нет, майор, теперь уже ничего нельзя сделать.

Со слов Штерна я знал, что он был в хороших отношениях со Сталиным. Переписывался с ним, когда был в Испании. Вернувшись оттуда, был у него на даче. И я сказал:

— Но вы можете помочь, вас же Сталин знает.

— Эх, майор, он знает, да плохо понимает. Меня самого вот–вот отзовут. Нет, ничем вам помочь не могу. Придется ехать.

В апреле 1940 года я приехал в Москву. Начальник Разведупра генерал Проскуров дружелюбно принял меня:

— Ну и долго же ты думал, майор! Вижу — огорчен. Но ничего, не отчаивайся. Скоро сам увидишь, что работа у нас большая и очень интересная. Это работа оперативно–стратегическая. Вам предстоит разгадывать планы наших вероятных противников.

Назначили меня заместителем начальника информационного отдела по Востоку. Начальником отдела был Пугачев.

Так я попал в разведку. Не буду говорить о Разведывательном управлении в целом. В этом нет нужды и, кроме того, об организации разведки в то время, о ее методах и людях не все можно сказать, хотя и прошло столько лет. Да это и не имеет прямого отношения к моей работе в информационном отделе; Буду говорить только о том, что имеет отношение ко мне и *о* чем можно сказать.

Характер работы в отделе был такой. Поступающая из–за

рубежа информация накапливалась на определенных направлениях. Ее нужно было критически оценить, сопоставить с имеющимися данными, отсеять недостоверные факты и вскрыть возможную дезинформацию («дезу»). Накопленные данные периодически группировались по определенным вопросам и освещались в различных информационных документах, разведсводках, справочниках, описаниях и пр.

Мне пришлось начинать с азов. До позднего вечера оставался я *в* управлении — изучал технику работы, присматривался к людям. Моими товарищами по работе были: заместитель начальника информотдела по Западу полковник (ныне генерал–лейтенант) Онянов, мой подчиненный майор (ныне генерал) Скрынников, майор Лукманов, капитан (ныне полковник) Горценштейн, полковник Дьяков — фамилии других я уже запамятовал.

Все это были хорошо подготовленные и культурные офицеры, работать с ними было легко. Они знали свое дело, но, как это часто случается, установились и некие шаблоны и традиции, мешавшие гибкости информационной работы. Будучи свежим человеком, я довольно быстро увидел некоторые недостатки. Все сведения были распылены. Не было сводных документов, отвечающих, например, на такие вопросы: сколько дивизий может выставить против нас та или иная страна, как они могут быть вооружены, в какой группировке и на каких оперативных направлениях развернуты? А это было очень важно для оперативных работников Генштаба. Я знал это по собственному опыту оперативных разработок в штабе Ленинградского военного округа. Чтобы определить, сколько войск может выставить противник, нужно сделать фундаментальную разработку. На основании точных данных рассчитать военно–экономический потенциал страны. На основании численности населения определить людские военные ресурсы. Проанализировав военно–производственную мощность, определить возможное количество производимого вооружения. В итоге определяется возможное количество развернутых дивизий. Исходя из характеристики театра войны и его подготовки определяются основные операционные направления и возможная группировка войск на каждом направлении.

И я засел за разработку таких обобщенных документов по каждой стране. Они получили название «Мобилизационные записки». Мы практически точно определяли масштабы развертывания. Так, по Японии мы определили возможность развертывания в 100 дивизий. Эти данные подтвердились во время войны. По Германии масштабы развертывания на случай

блицкрига определялись в 220 дивизий, из них 20 танковых. Война подтвердила нашу разработку — Германия выставила против нас 214 дивизий, из них 21 танковую. Свой метод расчета военно- экономического потенциала страны я видел уже после войны в Академии имени Фрунзе в качестве учебного пособия, но автор, увы, был другой. Ну что ж, я не предъявил никаких претензий, лишь бы шло на пользу.

Особо надо остановиться на одной очень важной детали в работе разведчика–информатора — он не должен попасть в сети дезинформации противника. Между разведками идет непрерывная война и в мирное, и в военное время. Все разведки стараются обмануть одна другую и засылают по самым различным каналам дезинформационный материал. «Деза» изготовляется очень тонко и коварно. Участвуют в этом все видные государственные деятели, вплоть до глав государств. В дезинформационный материал обязательно вводят правдивые данные, но, конечно, только те, которые уже известны противной стороне. Это и подкупает неопытного разведчика. Установив достоверность какой–то части данных, он считает достоверным и все остальное и поэтому делает ошибочные выводы. Классическим примером может служить наш горький опыт, когда Советскому правительству перед войной германская разведка подсунула «дезу». Но об этом ниже, а сейчас расскажу, как чуть было не попал в сети дезинформации японской разведки. Это случилось вскоре после того, как я начал работать в Разведупре.

Однажды, когда я с головой ушел в составление «Мобзаписок», один офицер принес мне кипу документов — примерно семь томов по 300–400 машинописных страниц — и радостно сообщил:

— Товарищ майор, «соседи» достали мобилизационный план Квантунской армии. Вот он!

Мое сердце радостно затрепетало. «Молодцы «соседи»!»

«Соседями» мы называли зарубежную агентуру НКВД, которая часто направляла нам свои материалы. По традиции эти материалы безоговорочно считались достоверными. И офицер, доставивший мне документы, был в восторге.

Но я тогда еще не знал здешних традиций. Когда радость улеглась, я бегло просмотрел эту гору документов и вдруг вспомнил давнюю историю о том, как разведка царской армии купила однажды за золото японский «мобилизационный план», оказавшийся обыкновенным несекретным полевым уставом.

Начал я сличать присланные материалы с теми данными, которыми мы располагали по японской армии. Оказалось, что ничего нового и важного в них нет. Указаны давно известные

номера пехотных дивизий — и ничего больше. Зато очень много философских рассуждений о возможных вариантах отмобилизации и развертывания. Причем направления возможных главных ударов указываются неправдоподобные — на не подготовленном тогда театре войны, где нет дорог, складов, средств связи. Такого рода рассуждения мог изложить в документах любой грамотный штабист, глядя на карту будущих военных действий. Поломав несколько дней голову над материалами «соседей», я понял, что это обыкновенная «деза», к тому же не очень умно составленная.

Отнес весь ворох документов полковнику Пугачеву и сказал:

— Возьмите себе, это обыкновенная «деза».

Он подивился моей дерзости — ведь я нарушил «традицию».

— Ты будь осторожен в оценке! Это документы «соседей». Мы привыкли считать их достоверными.

— Чьи это документы, — отвечаю, — мне не важно. Для нас важно то, что они ничего нового не дают. Это «липа», сплошная вода… — И показал свои выборки и таблицы.

— Нет, этого не может быть! Ты, наверное, ошибся. Нужно еще раз проверить и дать положительный отзыв, — настаивал Пугачев.

— Мы все тщательно изучили, угробили на это две недели. Больше заниматься этой «дезой» не буду. У меня есть дела поважнее.

— Черт возьми! — недоумевал Пугачев. — Что же делать? Ведь нужно дать ответ «соседям». Там уверены, что документ важный. За него заплачено много золота. Ты составь какой–нибудь туманный, обтекаемый, «дипломатический» отзыв.

Поскольку мы были в дружеских отношениях, я ответил:

— Пошел ты к чертям! Верш себе эту «дезу» и составляй на нее сам хоть хвалебную оду 1

Полковник Пугачев (ныне умерший) был знающим офицером с хорошим оперативно–стратегическим кругозором. Но по специальности он — авиатор, мобилизационно–оперативных разработок по общевойсковым частям и соединениям никогда не делал и поэтому не знал, как они выглядят и какие сведения содержат. Естественно, он не мог правильно оценить документ «соседей». Однако, приняв мнение своих сотрудников, мужественно заявил «соседям», что они подсунули нам «дезу». Разразился скандал. Начальником отдела назначили генерал–майора Дубинина. Пугачев потом с обидой говорил, что это из–за меня его сняли, но дружба наша не нарушилась.

Говорю об этом для того, чтобы показать, как тяжело и даже опасно было бороться с происками вражеской разведки и с ее

дезинформацией. Пугачев в данном случае отделался «легким испугом». А многие разведчики, например, Берзин и Проскуров, поплатились жизнью.

Вскоре в Разведупре произошла «смена кабинета». Генерал–лейтенант Проскуров был снят, а на его место назначен генерал–лейтенант Голиков.

Проскуров, в прошлом летчик–истребитель, служил в авиаполку, начальником штаба которого был Пугачев. В полку они дружили, продолжали дружить и в Разведупре. После войны в Испании старший лейтенант Проскуров, стал сразу Героем Советского Союза и генерал–лейтенантом и был назначен начальником Разведупра. А разве мог молодой летчик, хотя и отличившийся в небе Испании, со средним, по существу, авнационно–техническим образованием возглавлять Разведывательное управление Генштаба?! Человек он был скромный, общительный, честный, принципиальный, смелый и прямолинейный в суждениях. Мы его очень любили и помогали ему в работе как могли. Возможно, со временем, обладая хорошими личными способностями, он и освоил бы новое для него дело, но случилась беда.

На одном из заседаний Политбюро и Военного совета обсуждались итоги советско–финской войны 1939–1940 годов. Неподготовленность нашей армии, огромные потери, двухмесячное позорное топтание перед «линией Маннергейма» и многое другое стали известны всему народу. Об этом в полный голос заговорили за рубежом.

Сталину и его приближенным надо было «спасать свое лицо». Этому и было посвящено заседание Политбюро и Военного совета. После бурных прений решили, что причина всех наших бед в советско–финской войне — плохая работа разведки. Это мнение всяческими способами внедрялось и в армии. Сваливать все на разведку не очень оригинальный прием. Никогда еще ни одно правительство, ни один министр обороны или командующий не признавали за собой вины за поражение. Ищут виновных среди «стрелочников», г. первую очередь валят на разведку, потом на всякие климатические и географические причины, но отнюдь не на бездарность и невежество правительства и его полководцев. Сталин и в этом не был оригинален. Он тоже решил отыграться на разведке и лично на Проскурове.

Проскуров не стерпел возведенной на разведку напраслины. Он знал, что все необходимые данные о «линии Маннергейма» в войсках имелись, что причина неудач в другом, и смело вступил в пререкания со Сталиным. Назвал все действительные причины

неудач. За это поплатился жизнью.

Недавно я прочел в воспоминаниях маршала Рокоссовского о том, как ему пришлось отстаивать намеченную им операцию перед Сталиным. Только очень честный и мужественный человек решался в тех условиях отстаивать свое мнение. Рокоссовский был только что выпущен из концлагеря. Он знал, к чему может привести его несогласие с вождем. И все же он не отступил. Белорусская операция была выиграна.

А теперь позволю себе как свидетелю и участнику многих событий восстановить историческую правду о разведке и о ее мнимых грехах в советско–финской войне.

В то время, когда я работал в оперативном отделе штаба Ленинградского военного округа, мне довелось участвовать в разработке оперативного плана на случай войны. Офицеры оперативных отделов приграничных округов и Генштаба знают, что это за документ и как серьезно он разрабатывался. Хорошо помню, что все мы, работники оперативного отдела, пользовались так называемым «черным альбомом», в котором содержались все исчерпывающие данные по финским укреплениям на Карельском перешейке («линия Маннергейма»). В альбоме были фотоснимки и характеристики каждого ДОТа: толщина стенок, наката, вооружение и т. д.

Позднее, уже работая в Разведупре, я опять–таки видел этот «черный альбом». Он был и в штабах действующих войск на Карельском перешейке. Как же смели руководители правительства утверждать, что таких данных не было? Виновно в неудачных начальных действиях войск само правительство, и в первую очередь нарком обороны Ворошилов и лично Сталин, а не разведка.

А при каких условиях вспыхнула эта никому не нужная и очень непопулярная в народе война?

Первое и самое главное — она не была объективной необходимостью. Это был личный каприз Сталина, вызванный неясными пока причинами.

Второе;'-'и тоже очень важное обстоятельство, — война была объявлена при участии Ворошилова так поспешно, что даже начальник Генштаба Б. М. Шапошников об э 4 ой не знал. Он в то время был в отпуске. Конечно, Шапошников немедленно прервал отпуск и 'прибыл в Москву. Здесь он узнал все подробности. Потрясенный, схватился за голову, бегал по кабинету и с болью в голосе восклицал:

— Боже! Что наделали! Ай–йй–яй! Осрамились на весь мир! Почему же меня не предупредили?!

Да, Борису Михайловичу Шапошникову, военному ученому,

написавшему научное исследование о службе Генштаба — «Мозг армии», — было чему ужасаться. Высокопоставленные невежды начали войну, даже не предупредив своего начальника Генштаба!

Красная Армия вела зимнюю войну в летнем обмундировании. «Гениальные» полководцы Сталин и Ворошилов обрекли ее с первых дней войны на поражение. Я уже не говорю о том, что боеспособность нашей армии, как показал недавний опыт Халхин — Гола, была очень низкой.

Обо всем этом и напомнил Политбюро и Военному совету генерал Проскуров. Вернувшись с заседания, он рассказал полковнику Пугачеву, своему другу, как оно проходило, рассказал и о том, что ничего хорошего для себя не ждет. Когда на следующий день я пришел в Разведуправление и спросил, где Проскуров, Пугачев передал мне его рассказ…

Итогом заседания Политбюро и Военного совета было то, что маршала Ворошилова назначили председателем Комитета обороны, а маршала Тимошенко — наркомом обороны. Теперь Ворошилову стали подчиняться не только нарком обороны, но и нарком Военно — Морского Флота и все наркомы оборонной промышленности. О результатах «оборонной» деятельности Ворошилова можно судить по тому, в каком состоянии наша армия встретила врага на границе в 1941 году…

Новый начальник Разведупра генерал Голиков был за два года четвертым. Уже одна такая частая смена руководителей разведки абсолютно недопустима и вредна для государства. Грамотные в военном отношении люди знают, например, что для подготовки нового командира дивизии нужно не менее шести — восьми лет. А подготовка нового начальника разведки еще более сложна. Частые смены даже рядовых работников разведки не могут не нанести ущерб делу. Характер службы в центральных разведывательных органах требует скрупулезного накапливания разведданных, их систематизации и запоминания в логической последовательности. Поэтому умный государственный деятель любовно выращивает кадры разведчиков, создает им все условия для плодотворной и длительной работы. Часто меняя начальников Разведуправления, Сталин парализовал работу разведки. Разгромив собственную разведку, Сталин подрубил сук, на котором сам сидел, и стал жертвой дезинформации немецкой разведки.

Вновь назначенный начальник Разведупра генерал–лейтенант Голиков прибыл к нам из Львова, где он командовал 6-й армией. Как командовал — не знаю, но начальником Разведупра он был плохим. В Разведупре это был единственный человек, который попал в сети дезинформации немецкой разведки и до самого

начала войны верил, что войны с Германией не будет.

Близко соприкасаясь по работе, почти ежедневно бывая на докладе, я изучал нового начальника Разведупра. Среднего роста круглолицый блондин, вернее, лысый блондин со светлыми глазами. На лице всегда дежурная улыбка, и не знаешь, чем она вызвана — то ли ты хорошо доложил, то ли плохо. Я не заметил, чтобы он определенно высказывал свое мнение. Давая указания, говорил: «Сделайте так или так…» И я не знал, как же все–таки надо. Если я поступал по своей инициативе или по его указанию, но неудачно, он всегда подчеркивал: «Я вам таких указаний не давал», — или: «Вы меня неправильно поняли». Он просто не знал, какие дать указания. Мы его не уважали. Голиков часто ходил на доклад к Сталину, после чего вызывал меня и ориентировал в том, что думает «хозяин»; очень боялся, чтобы наша информация не разошлась с мнением Сталина.

Назначенный зимой 1940 года вместо Пугачева начальником информотдела генерал–майор Дубинин по ряду причин, среди которых не последнее место занимали военные приготовления на границе отнюдь не в духе мирного Договора, заболел и попал в психиатрическую лечебницу. Голиков назначил врио начальника информотдела меня. К тому времени я закончил «Мобилизационные записки» по восточным странам. Все их Голиков утвердил и отправил в Генштаб.

Новая работа в таких огромных масштабах, как информотдел, меня пугала. Заместителем по Западу был полковник Онянов, и я пытался вместо себя выдвинуть его, тем более что он был выше меня по званию. Однако Голикову почему- то захотелось на должность начальника информотдела посадить именно меня, и он настоял на своем.

Первым делом я стал изучать материал по Западу. Немецкая армия совершала свой триумфальный марш по странам Европы. Главным событием в то время стала недавно закончившаяся франко–германская война. Нам было очень важно изучить ее опыт. Всех удивляли легкие победы фашистов… Все разведки, естественно, и наша, стремились разгадать «секрет» немецких успехов, выявить новое в военном искусстве. Были даны задания всей нашей агентуре. Вскоре поступил на редкость ценный документ из Франции — «Официальный отчет французского Генерального штаба о франко–германской войне 1939–40 гг.». Отчет этот лично вручил нашему военному атташе начальник Генштаба французской армии генерал Гамелен. При этом он сказал: «Возьмите, изучайте и смотрите, чтобы и вас не постигла такая же судьба».

Ознакомившись с отчетом, я пришел в восторг. В нем была

показана вся немецкая армия до каждой дивизии и части (больше сотни дивизий) — их состав, вооружение, нумерация и группировка. На схеме был изображен весь ход боевых действий с первого до последнего дня войны.

Естественно, мы накинулись на этот документ, как голодные на пищу. Все указанные дивизии поставили на учет, это давало возможность легко следить за их переброской к нашим границам. Ход боевых действий мы нанесли на карту. Нанесли также группировки сил и средств на каждой стороне. Начали изучать соотношение сил в ходе боя по направлениям и искали, что же нового в оперативном искусстве дали немцы, где и в чем секрет их молниеносной победы. Почему такая крупная страна, как Франция, была разгромлена в течение одного месяца?

Над изучением опыта этой войны работала целая группа офицеров, и вскоре был готов доклад начальнику Генерального штаба генералу Жукову «О франко- немецкой войне 1939–40 гг.».

Что же нового и поучительного мы нашли у немцев?

В оперативном искусстве — ничего нового. Наше оперативное искусство стояло тогда выше немецкого. Метод ведения армейских и фронтовых операций с концентрическими ударами и последующим окружением у нас изучали еще в 1937 году и даже раньше. Средством развития тактического прорыва в оперативный у нас была конно–механизированная группа (КМГ), а у них — танковая армия (4–5 танковых дивизий и 3–4 мотодивизий).

Новым было появление танковой армии — большого оперативно–стратегического танкового объединения. У нас же высшей единицей был механизированный корпус (две танковые бригады и одна стрелково–пулеметная), но накануне войны эти корпуса расформировали. Это была крупная ошибка. Именно немецкие танковые армии пронзили Францию на всю ее глубину от границы до границы. Им не было оказано никакого сопротивления.

Во французской армии не существовало оперативных инженерно–саперных заграждений, крупных противотанковых артиллерийских и больших танковых соединений. Новым в тактике немцев были строго согласованные действия авиации, танков и артиллерии с пехотой. Авиация, танки й артиллерия сопровождали наступление пехоты и обеспечивали успех. Вот как описывал в отчете один французский офицер характер боя: «Впереди против нас двигаются с грохотом тысячи танков, а сверху над нами ревут и воют тысячи самолетов и обрушивают на наши головы тысячи бомб, которые, разрываясь, сотрясают землю. Войска прижались к земле и лежат, как парализованные, не могут даже пошевелиться и поднять голову, не 'Говоря уже о

противотанковых пушках, которые бездействовали».

Забегая несколько вперёд, скажу, что точно так же было и у нас в первые дни войны. Мы на своих спинах испытали эту новую немецкую тактику. Разница только в том, что мы не все время лежали, прижавшись к земле.

Направив доклад начальнику Генштаба, офицеры разведки полагали, что возглавляющие правительство и наркомат обороны умные люди изучат опыт франко–немецкой войны и примут все меры, чтобы с нашей армией не случилось того, что случилось с французской. Мы на многое надеялись. Надеялись, что будут созданы сильные танковые армии, которые, схлестнувшись с немецкими, не позволят им безнаказанно пройти по всей нашей стране. Что будут созданы крупные артиллерийские противотанковые соединения, а также теоретически разработанные Д. М. Карбышевым еще в 1937 году оперативные инженерно–саперные заграждения. Что будут созданы инженерно–саперные бригады и корпуса. Что против «висящих» над головой самолетов будут созданы дивизии зенитной артиллерии.

Все свои предложения и надежды мы изложили в докладе. Ответ получили такой, что о нем стыдно писать. На нашем докладе стояла резолюция Жукова: «Мне это не нужно. Сообщите, сколько израсходовано заправок горючего на одну колесную машину». Офицеры информотдела пожимали плечами и молча смотрели друг на друга и на меня. Я тоже молчал.

Теперь расскажу о событиях на наших западных границах. Нас интересовало, куда будут перебрасывать немецкую армию из Франции. Если Гитлер решит нанести удар по Англии, форсировать Ламанш, то немецкая армия не уйдет из Франции, а будет группироваться во Фландрии. Если же начнется переброска войск в Восточную Германию и Польшу, то нам следует быть начеку.

Осенью 1940 года наша разведка зафиксировала тщательно скрытые перевозки немецких войск в Чехословакию, Польшу и Восточную Пруссию. Военнослужащие были в гражданской одежде, а военные грузы маскировались под сельскохозяйственные. Уже одно это говорило о многом. Однако высказывать какие–либо подозрения и опасения было рискованно, так как начал действовать заключенный в августе 1939 года с Германией пакт о ненападении и договор о дружбе. Для его подписания Риббентроп прилетел в Москву, и ему под ноги постелили ковровую дорожку от самолета до аэровокзала. Что и как говорили дипломаты, нам неизвестно, но совершенно очевидно, что Гитлеру удалось убедить Сталина и Молотова в

своих «честных» намерениях по отношению к Советскому Союзу. Штатные докладчики и все газетные обозреватели на все лады расхваливали пакт и гениальную мудрость Сталина.

Как расценивало наше правительство заключение пакта о ненападении и договора о дружбе с Германией, видно из доклада Молотова на заседании Верховного Совета СССР. Это очень любопытный документ, и я частично приведу его по журналу «Большевик» № 20 за октябрь 1939 года (цитирую по памяти).

«Доклад В. М. Молотова, председателя Совнаркома и Наркома иностранных дел, на заседании Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г.

…Во–первых, надо указать на изменения, происшедшие в отношениях между Советским Союзом и Германией. Со времени заключения 23 августа советско- германского договора о ненападении был положен конец ненормальным отношениям, существовавшим в течение ряда лет между Советским Союзом и Германией. На смену вражды, всячески подогревавшейся со стороны некоторых европейских держав, пришло сближение и установление дружественных отношений между СССР и Германией. Дальнейшее улучшение этих новых х ор о ш и х отношений нашло свое выражение в германо–советском договоре о дружбе и границе между СССР и Германией, подписанном 28 сентября в Москве….За последние несколько месяцев такие понятия, как «агрессор», «агрессия», получили новое конкретное содержание, приобрели новый смысл. Нетрудно догадаться, что теперь мы не можем пользоваться этими же, понятиями в том же смысле, как, скажем, 3–4 месяца назад. Теперь, если говорить о великих державах Европы, Германия находится в положении государству, стремящегося к скорейшему окончанию войны и к миру, а Англия и Франция, вчера еще ратовавшие против агрессии, стоят за продолжение войны и против заключения мира. Роли, как видите, меняются…

…Теперь наши отношения с Германским государством построены на базе дружественных отношений, на готовности поддержать стремление Германии к миру, вместе с тем — на желании всемерно содействовать развитию советско–германских отношений к взаимной выгоде обоих государств. Последние хозяйственные переговоры Германской делегации в Москве и происходящие в данный момент переговоры советской хозяйственной делегации в Германии подготовляют широкую базу для развития товарооборота между Советским Союзом и Германией».

За плотной завесой дружеских славословий Молотова нарастали тревожные события на наших западных границах.

Немецкие войска, сосредоточенные ранее во Франции, начали постепенно перебрасываться в Польшу и подтягиваться к нашим границам. Вот что об этом говорил после войны немецкий генерал фон Бутлер: уже в июле 1940 года на Восток был переброшен штаб группы армий фельдмаршала фон Бока, а также штабы 4-й, 12-й и 18-й армий. Тогда же сюда было переведено около 30 немецких дивизий. Так были сделаны первые шаги к стратегическому разворачиванию сил, которое заняло довольно продолжительный период времени. Эти переброски были точно установлены нашей разведкой.

Стремясь дезинформировать Советское правительство, Гитлер заявил, что немецкая армия перебрасывается в Восточную Германию и Польшу с целью улучшения условий расквартирования и отдыха после войны во Франции. Однако сосредоточие войск в непосредственной близости от наших границ в густонаселенных местах только ухудшало условия расквартирования.

Наша агентура все время докладывала о нарастании численности войск у наших границ. Открытых перевозок как будто нет, едут только «туристы», а количество дивизий растет и растет. Они вылезают из земли, как грибы. Мы заметили также, что много «туристов» из Германии едет в Финляндию. А вот обратно не возвращаются. Направили под видом железнодорожного кондуктора нашего офицера–разведчика. После нескольких рейсов он доложил, что это не туристы, а немецкие солдаты и офицеры, и они сосредоточиваются в северной части Финляндии. Было установлено, что там уже около 35 тысяч человек.

Это было примерно в декабре 1940 года. Мы фиксировали все данные, брали на учет каждую дивизию. Делали это очень тщательно. Регистрировали номер дивизии, ее организацию, вооруженный состав; знали, кто ею командует. Знали старших офицеров дивизий, их характеры, вкусы. Знали, кто любит вино, кто карты, кто женщин, а кто и весь «букет» офицерских развлечений. Так что наши данные были вполне достоверны. Все накопленные сведения мы включали в разведывательные сводки.

Система информации в нашем отделе была такая. Регулярно раз в месяц выпускали разведсводки, которые составлял и подписывал начальник информотдела, а утверждал начальник Разведупра. Разведсводки рассылали правительству, всем членам Политбюро, Генштабу, центральным военным учреждениям, штабам военных округов и войскам — до штаба корпуса включительно.

Кроме сводок, мы выпускали различные справочники,

описания, наставления. По моей инициативе начали составлять доклады о военно–экономическом потенциале страны и о возможном масштабе развертывания армий. Эти доклады, как я уже упоминал, назывались «Мобилизационными записками».

Был у нас еще один вид информации под грифом «Совершенно секретно» — «спецсообщения». В них включали особо важные данные и за подписью начальника Разведупра направляли по особому списку, установленному самим Сталиным. В списке этом были Сталин, Молотов, Маленков, Берия, Ворошилов, Тимошенко, Мерецков и Жуков.

Кроме документальной, существовал еще один вид информации — «живая связь». Офицера разведки оперативного управления не менее одного раза в неделю посещал' информационный отдел Разведупра, получал все поступившие новые данные, ‘ наносил их на карту и докладывал начальнику Генерального штаба, а затем делал сообщение и всем офицерам оперативного управления. Офицером разведки от оперативного управления был подполковник Гунеев. В разведуправление приходили и из других управлений. Например, от бронетанкового управления у нас регулярно бывал подполковник Шклярук. Помню его последнее посещение. Нанес я на свою карту 70 немецких дивизий (это было в конце 1940-го либо в начале 1941-го), он воскликнул: «Война!» «Да, — говорю, — война!» «Я побегу сейчас к Федоренко», — и выскочил из кабинета. Позднее мне звонил Федоренко, спрашивал, верно ли то, что принес Шклярук. Я ответил, что все верно. Об этом эпизоде мы со Шкляруком вспоминали уже после войны, когда оба были в отставке.

По телефону часто наводили справки начальник Академии Генштаба комдив Мордвинов и начальник Оперативного управления Генштаба генерал Ватутин.

В результате анализа всех данных разведки мне стало ясно, что Германия готовится напасть на СССР. Я стал спешно готовить «мобзаписку» по Германии. Данных для этого было вполне достаточно.

О положении дел на наших границах я регулярно докладывал генералу Голикову. Он внимательно меня выслушивал, но первое время своего мнения не высказывал. Я объяснял это тем, что он в разведке человек новый, не успел еще во всем разобраться. Правда, однажды он проявил особый интерес к группировке немецких войск в Румынии — мы называли ее тогда «группой Бласковица». Наличие этой группировки в Румынии также красноречиво свидетельствовало о намерениях Германии.

Знаменательные сообщения приходили из Болгарии. В одном из них рассказывалось, как на государственном совете царь Борис

с отчаянием и страхом кричал: «Боже мой, боже мой! Что же нам делать? С Запада Гитлер, с Востока Сталин! Куда же нам податься? Пожалуй, лучше все же к Гитлеру, чем к большевикам».

И вскоре наша разведка зафиксировала прибытие в Болгарию немецких «инструкторов» и «туристов».

Запомнилось интересное письмо из–за рубежа. Оно определило наши отношения с Голиковым — он передал мне его на очередном докладе и приказал доложить свое мнение.

Я внимательно изучил письмо. Оно было написано мелким убористым почерком на 6–8 листах ученической тетради.

С первых же строк мне стало ясно, что писал его весьма грамотный в политическом и военном отношении человек, хорошо разбирающийся в сложных международных событиях. Он писал о неизбежности нападения Германии на СССР. Утверждал, что наше правительство совершило крупную ошибку, прервав переговоры с англо–французскими представителями и заключив пакт о ненападении с Германией. По его мнению, этот пакт со стороны Германии — лживый дипломатический шаг: не успели еще высохнуть чернила на подписи Риббентропа, как

Гитлер распорядился перебросить войска из Франции к границам СССР. Советовал Советскому правительству готовить свои вооруженные силы к большей войне, чтобы не получилось так, как во Франции. Писал, что промедление тут смертельно опасно не только для Советского Союза, но и для всех порабощенных народов Европы. Предупреждал, что фашистская чума грозит всем народам мира и что им не на кого больше надеяться, как на СССР. Подпись — «Ваш друг».

На следующий день Голиков спросил меня, что я думаю о письме и о человеке, пославшем его. Я ответил, что полностью разделяю его мнение, что все его соображения подтверждаются нашими данными, и посоветовал отправить письмо правительству в «спецсообщении».

Голиков посмотрел на меня с явным недовольством.

— Да вы что? Вы понимаете, что говорите? Ведь он же хочет столкнуть нас лбами с Германией! Скорей всего немцы будут наносить удар по Адалии, форсировать Ламанш. Если поступить так, как советует этот «друг», **мы своими** военными приготовлениями можем спровоцировать немцев против нас. ˆГак думает и «хозяин».

Поняв, что письмо уже побывало у Сталина и-Голиков выражает его точку зрения, я ничего не сказал. Меня все больше мучил душевный разлад. Фактические данные противоречили умонастроениям моего непосредственного начальства и правительства. Я был на стороне фактов, но пока не мог найти

формы защиты своей позиции.

Закончив «мобзаписку» по Германии, понес ее Голикову. В «записке» мы определяли масштабы развертывания немецкой армии в двух вариантах: для молниеносной войны (блицкрига) и для длительной. Для молниеносной войны мы определяли количество дивизий около 220, для длительной — 230. И приложили карту–схему, на которой были показаны существующие группировки немецких войск на наших границах и возможные варианты направления их действий.

Меня удивляет заявление Жукова, что «внезапный переход в наступление в таких масштабах, притом сразу всеми имеющимися и заранее развернутыми силами, т. е. характер самого Удара во всем объеме нами не был предусмотрен» («Воспоминания и размышления».) А ведь в «Мобилизационных записках по Германии» Разведупра только об этом и толковалось. Что Германия может применить молниеносную войну, суть которой в том, чтобы сокрушить противника одним первым ударом, для чего и применяются все силы. И мы указали, что для этого немцы могут ввести 220 дивизий. Как же начальник Генерального штаба об этом не знал?! Это могло быть только в том случае, если Голиков нашу записку в Генштаб не послал. Тогда какова же роль Голикова?! И Жуков прав, называя его «дезинформатором»!

После этого небольшого отступления возвращаюсь к своему повествованию. Начальник Разведупра долго, с видимым интересом рассматривал схему. Наши мнения во многом разошлись. Он считал, что на первом этапе войны главный удар будет нанесен по Украине в направлении Киева, а на схеме главный удар был показан, исходя из группировки, — на Москву.

Отложив «записку» и схему, Голиков сказал:

— Ваши соображения верны, но это только предположения! Реально этих группировок нет.

— Как нет, товарищ генерал?! — воскликнул я. — Эти группировки не мой вымысел, они вполне реальны. Каждая дивизия нами точно установлена — не только ее дислокация, состав, организация, но даже командир. Как можно сомневаться в таких точных сведениях?!

Генерал положил мою «мобзаписку» в сейф и сухо сказал:

— Можете идти, вы свободны.

Много позже, уже после войны, мне стало известно, что эта «мобзаписка» пролежала у него без движения до самого начала войны, хотя другие «мобзапис- ки» быстро утверждались и немедленно отсылались в Генштаб.

После этого между мною, вернее, между информотделом и

генералом Голиковым установились весьма странные отношения. На каждом докладе генерал «срезал» у меня по нескольку дивизий, снимая их с учета, как пешки с шахматной доски. Никакие возражения на него не действовали. Мне было неприятно ходить к нему на доклад, и я посылал вместо себя начальника немецкого отделения полковника Гусева. Они старые сослуживцы, и я полагал, что Гусеву удастся убедить Голикова в реальности немецких дивизий, в реальности непрерывно нарастающей угрозы. Расхождений в оценке положения у меня с Гусевым не было.

Однако и Гусеву не повезло. У него Голиков «срезал» еще больше дивизий, чем у меня. Я не выдержал, пошел к Голикову и заявил:

— Товарищ генерал, я не согласен с вашей практикой «срезать» количество дивизий, которые мы указываем. Уже подошло время очередной сводки по Германии, а я не могу ее выпустить с искаженными данными.

Голиков молча извлек из сейфа лист александрийской бумаги, развернул на столе и сказал:

— Вот! действительное положение на наших границах. Здесь показано гораздо меньше дивизий, чем у вас.

Я посмотрел на схему. На ней синим карандашом были показаны немецкие дивизии вдоль наших границ.

— Что это за документ? Откуда?

— Его дал нам югославский атташе полковник Путник. Эти же данные подтвердил и наш агент из немецкого посольства в Москве. Этим данным верит «хозяин», — пояснил Голиков. И уже тоном приказа сказал: — Так что не будем спорить, выпускайте сводку по этим данным.

Я ответил, что без проверки по этим данным выпускать сводку не могу, и попросил схему в отдел для анализа.

При изучении схемы Путника прежде всего бросалось в глаза, что количество дивизий значительно уменьшено, причем в их расположении вдоль нашей границы не было никакой идеи. Нумерация дивизий совпадала с теми данными, которые уже имелись в нашей старой сводке. Нам всем стало ясно, что это обыкновенная немецкая «деза». Стало ясно и другое: наши сводки попадают в немецкую разведку. Мы подозревали, что и наш агент из немецкого посольства тоже дезинформатор. Немецкое посольство в Москве широко и умело развернуло дезинформационную работу и ловко направляло свою «продукцию» в каналы нашей разведки и в правительство. Причем характерно, что дезинформационный материал попадал к нам не из наших источников, а «сверху». Наметились и каналы

проникновения дезинформации. Сначала она попадала к «соседям», в агентурную сеть НКВД или в контрразведку. Потом, конечно, с помощью Берии дезинформация докладывалась Сталину. И уже от Сталина шла в Разведуправление Генштаба.

Надо отдать должное немецкой разведке: своей дезинформацией она сумела ловко обмануть наше правительство, скрыть от него военные приготовления против нас.

Работники Разведупра борьбу против дезинформации сосредоточили прежде всего вокруг количества вражеских дивизий, развернутых на наших границах. Мы показывали их истинное количество, а немецкая разведка всячески пыталась скрыть его или уменьшить; кроме того, нас уверяли, что Германия будет наносить удар по Англии. В этой борьбе немецкая разведка нас победила. Советское правительство и военное руководство верили вражеской дезинформации, а не собственной разведке. Не верил ей даже сам начальник Разведупра и систематически, с каждой неделей все больше и больше «срезал» количество немецких дивизий, подгоняя наши разведданные под сообщение Путника.

В воспоминаниях маршала Жукова сказано, что на 4 апреля 1941 года по данным Генштаба против СССР находилось 72–73 дивизии[1]. Вот это и есть данные Путника.

Советская военная разведка еще в декабре 1940 года докладывала в разведсводке № 8, что против СССР сосредоточено 110 дивизий, из них 11 танковых. Как же получилось, что по состоянию на апрель 1941 года их было 73? На 38 дивизий меньше?!!

Это уже работа начальника Разведуправления генерала Голикова. Он просто «снял» 38 дивизий с учета и подсунул Генштабу «дезу» Путника. На схеме расположения немецких войск на наших границах, приведенной в книге маршала Жукова, не показаны группировки и направления главных ударов. В разведсводке № 8 и в «Мобилизационных записках по Германии» они показаны на основании документальных данных. В схеме же, опубликованной маршалом Жуковым, я узнаю схему Путника.

Конечно, далеко не все в Генштабе думали так, как Сталин, Голиков и другие. Были люди, которые трезво оценивали положение дел на наших границах. Но об этом ниже.

Изучив схему Путника и сняв с нее копию, я вернул ее генералу Голикову. Доложил твердо и по форме вполне официально, что схема эта — дезинформация.

Голиков пытался убедить меня, что в ней все весьма правдоподобно и логично. Главные силы Германии, как он считает, находятся во Франции и готовятся нанести решающий

удар по Англии. Доказательство тому — усиленная бомбардировка Лондона и подготовка к форсированию Ламанша. Голиков дал мне понять, что так думает Сталин.

Мы, работники Разведупра, этому никогда не верили, предполагали, что возня немцев около Ламанша — особая форма дезинформации. Теперь известно, что эта дезинформация была капитально разработана как операция против Англии и носила название «Морской лев», а позднее «Хайфиш». Были даже посланы разведывательные группы к Британским островам — все эти группы погибли.

Отдав в жертву дезинформации десяток своих солдат, Гитлер сумел всучить ее Сталину и его «любимым ученикам».

До сего времени адмирал Кузнецов, тогда военно–морской министр, верит, что операция «Морской лев» была недезинформационной. В своих мемуарах он подтверждает, что верили в это также Жданов и Молотов. Вся трагедия в том и заключается, что все партийные, советские и военные руководители верили в то, что Гитлер будет наносить удар по Англии, а не по СССР. Все наше руководство находилось в плену немецкой дезинформации. А что из себя представляла операция «Морской лев», красноречиво рассказывает в своих воспоминаниях немецкий генерал Циммерман:

«В начале июня в ставку главного командования немецкими войсками Запада прибыл порученец начальника генерального штаба сухопутных войск и сообщил собравшимся офицерам, что все проделанные подготовительные работы являются просто мероприятием, необходимым для введения противника в заблуждение, и что теперь их можно прекратить… Все эти приготовления проводились только в целях маскировки готовящейся Восточной кампании, которая в ту пору являлась для Верховного главнокомандующего уже решенным делом».

Эту дезинформацию путем несложных расчетов мы разоблачили. Дело в том, что у немцев не хватало десантных перевозочных средств, и фактически операция не могла быть осуществлена. После Дюнкерка в Англию возвратилась 300-тысячная армия. На ее базе англичане сформировали около 40 дивизий, из них 5 танковых; была построена мощная береговая оборона. Чтобы преодолеть сопротивление английской армии, нужно было перебросить не менее 60 немецких дивизий, из них 8–10 танковых. Для этого требовалось много десантных средств. Я уже не помню цифр, полученных при наших расчетах, но, по подсчетам самих немцев, для переброски в первом эшелоне 30 дивизий требовалось 145 пароходов, 1800 барж, 400 буксиров, 900 катеров, 100 парусных судов, не считая флота для прикрытия

и поддержки операции. Таких судов у немцев не было. Поэтому Гитлер никогда и не помышлял о вторжении на Британские острова. У него были другие планы: склонить Англию к миру — отсюда и миссия Гесса — а напасть на Советский Союз. Так что дезинформацию мог легко разоблачить военно–морской министр со своим штабом и доказать Сталину ее сущность. К сожалению, сделано это не было. Все верили, что Гитлер нападет на Англию, и проявили беспечность в отношении своих границ.

Гитлер же и не ставил своей военно–политической целью разгром Англии. Вот что он об этом писал: «Если мы разгромим Англию в военном отношении, то Британская империя распадется, однако Германия от этого ничего не выиграет; разгром Англии будет достигнут ценой немецкой крови, а пожинать плоды будут Японии, Америка и другие».

Однажды офицер из другого отдела предложил мне:

— Есть возможность на основе взаимности послать разведчика на машине из Москвы в Берлин и обратно. Укажите желательный маршрут.

Ничего не скажешь, весьма оригинальный способ взаимной разведки! Немцы, узнав маршрут нашего разведчика, примут все меры, чтобы замаскировать свои дивизии. То же самое, конечно, предпримем и мы. Все же я дал маршрут через главную группировку немецких войск на Минском направлении. Я полагал, что 50–60 тысяч войск не иголка, их не спрячешь. Опытный разведчик по многим признакам сможет определить, обычный ли здесь гарнизон или большое сосредоточение войск.

Каково же было мое удивление, когда через некоторое время по внутреннему телефону сообщили, что наш разведчик ничего не увидел.

— Значит, он шляпа! — воскликнул я возмущенно.

— Да, — ответили мне, — согласны, шляпа, но шляпа не наша, а «соседей»!

Нас усиленно успокаивали, уводили в сторону наше внимание, а тревожные

вести нарастали. Было получено донесение о полевой поездке в ноябре 1940 года генерал–фельдмаршала Браухича с высшими генералами в Польше и в Восточной Пруссии для изучения возможных вариантов военных действий против СССР. К донесению была приложена стенограмма выступлений Браухича на раз боре поездки. Несомненно, уже осенью 1940 года на местности разыгрывались элементы «плана Барбаросса». Эта стенограмма была направлена Сталину.

Подходило время выпускать сводку по Германии, а у нас еще продолжались долгие и мучительные дискуссии о том, сколько же

немецких дивизий на наших границах и куда Гитлер нацеливает удар — на Англию или на СССР?

Однажды полковник Гусев после очередного доклада Голикову ворвался ко мне в кабинет красный от ярости. Размахивая бумагами и картой, матерно ругаясь, закричал:

— Опять срезал!

— Сколько?

— Пятнадцать дивизий!

Я понял, что дальше медлить и терпеть нельзя. Необходимо принять какое- то твердое решение. А какое? В угоду начальству дать сведения Путника? Это будет предательством Родины! А дать достоверные сведения — значит пойти на острый конфликт с начальством и официальным курсом, то есть в конечном счете пойти против мнения Сталина, значит пойти на риск исчезнуть при неизвестных обстоятельствах, как исчез генерал Проскуров. Прямо как в сказке: «Пойдешь направо — медведь задерет, пойдешь налево — волки съедят». Было о чем подумать. Нет–нет да мелькала трусливая мыслишка: «Не лучше ли поступить, как начальство приказывает?!» Была также надежда, что Сталин ничего не знает *об* истинном положении, что его обманывают. И я наметил свой, обходной путь.

Приказал полковнику Гусеву заготовить материал для сводки по нашим данным. Гусев с радостью взялся за работу. Через день я составил сводку. Это была сводка № 8 за декабрь 1940 года. Несомненно, она хранится в архиве. Историки смогут ее прочитать. Повторяю: Разведывательная сводка № 8; официальный документ, изданный Разведупром.

Общее резюме в сводке было такое (цитирую по памяти):

«За последнее время отмечаются массовые переброски немецких войск к нашим границам. Эти переброски тщательно скрываются. По состоянию на декабрь

1940 года, на наших границах сосредоточено около ста десяти дивизий, из них одиннадцать танковых…»

На схеме мы показали все немецкие войска — до дивизии и отдельной части включительно. В выводах я писал: это огромное количество войск сосредоточено не для улучшения условий расквартирования, как об этом заявил Гитлер, а для войны против СССР. Поэтому наши войска должны быть бдительны и готовы к отражению военного нападения Германии.

Подпись была такой: Врио начальника Информационного отдела Разведывательного управления Генштаба подполковник Новобранец.

Сводка готова. Как ее довести до Сталина и войск? Голиков легко может мне помешать. Пока я раздумывал, открылась дверь

и ко мне в кабинет вошел генерал–майор Рыбалко. Он работал в нашей системе и часто заводил ко мне. Мы были товарищами по выпуску из Академии имени Фрунзе. КайгДьЫ раз при встрече делились сокровенными думами. Рыбалко был старый коммунист, комиссар времен гражданской войны. В Академии он был старостой нашего курса и пользовался большим авторитетом. Он успешно 'окончил Академию, обладал большим политическим и военным кругозором. Человек он был прямой, смелый, честный и объективный.

Я поделился с Рыбалко своими раздумьями. Показал ему нашу сводку и схему. Показал и копию схемы югославского полковника Путника.

— Ну, что, по–твоему, мне делать? — спросил я старого друга.

— Д-да, — сказал он, внимательно изучив схему, — положение твое, как говорили в старину, хуже губернаторского. Советовать тебе сделать подлость и поместить в сводку данные Путника не могу. А за правдивую информацию, имей в виду, могут голову снести. Сталин тебе не поверит и прикажет Берии тобой заняться… — А потом Рыбалко высказал такие мысли, которые и мне приходили на ум, но которых я сам боялся:

— Черт знает, что у нас происходит! Самые лучшие командиры армии уничтожены, самых лучших членов партии сажают. Армия, можно это считать как факт, обезглавлена, не боеспособна. На Халхин — Голе и в Финляндии мы опозорились на весь мир. Армией командуют неграмотные люди — командиры эскадронов, вахмистры без образования и опыта. Чтобы далеко не ходить, вот тебе пример: командующий Шестой армией генерал Музыченко. Я знаю его по гражданской войне. Хороший боевой командир эскадрона, но полком командовать не может. А ему доверили современную армию! И в то же время сотни образованных офицеров, окончивших Академию, сидят в штабах на второстепенных должностях. Держат их в черном теле. Почему спрашивается? Будто нарочно все делается так, чтобы проиграть будущую войну…

Под конец Рыбалко высказал совсем уж страшные предположения.

— Действует у нас какая–то вражеская сила, врагов ищут не там, где надо. Говорят о «пятой колонне» и корни ее находят среди старых членов партии. А я думаю, что дело в какой–то иной колонне — фашистского типа… Чтобы тебе не стать подлецом, советую дать правдивую сводку и попытаться направить ее в войска, минуя начальство. Пусть хоть армия и народ знают, что их ожидает. Если уж умирать, так за правое дело!

После разговора с Рыбалко я окончательно утвердился в мнении, что над страной нависла грозная опасность. И уже без колебаний принял решение довести сводку до войск. Но как это сделать?

У нас была такая практика: все информационные документы, в том числе и сводки, составлял и подписывал начальник информотдела. Сигнальный экземпляр докладывался начальнику Разведупра. Только после его утверждения весь тираж рассылали в войска. Разведсводки рассылались в части до корпуса (иногда дивизии) включительно, во все штабы округов, в Генштаб, в Академии, в центральные военные управления Наркомата обороны. Правительству — по особому списку: Сталину, Молотову, Маленкову, Ворошилову, Тимошенко, Берии, Мерецкову, Жукову

Я решил отправить сводку без ведома начальника Разведупра. Случай беспрецедентный, но иного выхода не было. Вызвал начальника типографии полковника Серебрякова, вручил ему сводку и приказал срочно отпечатать, а сигнальный экземпляр доставить мне для доклада генералу Голикову. Серебряков просмотрел материал, понял всю его серьезность и, организовав круглосуточную работу в типографии, через два дня доложил, что сводка готова.

— Передай, — говорю ему, — в экспедицию для рассылки.

— А как же сигнальный экземпляр? Будем докладывать Голикову перед рассылкой? — спрашивает он.

— Да, конечно. Принеси сигнал мне, я сам доложу, а тираж передавай в экспедицию.

Серебряков принес сигнал и сообщил, что весь тираж сдан в экспедицию. Я положи сигнальный экземпляр в сейф, позвонил начальнику экспедиции и попросил возможно быстрей направить сводку в войска. Для Москвы рекомендовал отправить в последнюю очередь: здесь, говорю, всегда успеют ее получить.

Через три–четыре дня из округов поступили сообщения, что сводка получена.

Теперь мне предстояло пережить немало скверных минут. Решил: при любых обстоятельствах буду сохранять спокойствие и достоинство члена партии и офицера.

Взяв сигнальный экземпляр, пошел на доклад к Голикову. Молча положил перед ним сводку. Голиков стал ее листать, посмотрел схему.

Я стою молча, смотрю на него. Сначала его лицо выразило удивление, потом недоумение, а потом разразилась гроза.

— Вы что-о? Вы хотите спровоцировать нас на войну с Германией? Что мне с вами делать, упрямый вы хохол? —

Генерал выскочил из–за стола, пробежался по кабинету. — Не–ет! Я не утверждаю эту сводку! Запрещаю ее рассылать в войска! Приказываю уничтожить весь тираж!

Спокойным, ровным голосом говорю:

— Товарищ генерал, это невозможно: сводка уже в войсках.

Голиков побагровел, задохнулся, долго не мог говорить. А потом снова взорвался:

— Ка–ак? Вы… вы отправили сводку без моего разрешения?

— Да, товарищ генерал, отправил. Я считаю это дело очень серьезным, всякое промедление в данном случае — преступление.

Генерал задыхался. Трудно, с хрипом выдавил:

— Да как вы смели? Да вы с ума сошли… я вас… — Дальше пошли такие ругательства, каких бумага уже не терпит.

Не вытерпел и я:

— Товарищ генерал, вы на меня не кричите. Я начальник информационного отдела. Я подписываю сводку и отвечаю за нее головой. Положение на западной границе весьма серьезное, и молчать об этом нельзя. А так как наши взгляды на положение дел разошлись, прошу вас устроить мне личный доклад начальнику Генштаба. Иначе буду искать другие пути.

На раскаленного генерала будто водой плеснули. Мигом остыл. Сел за стол, удивленно посмотрел на меня и стал вдруг сверх меры корректен.

— Хорошо, товарищ подполковник, я устрою вам личный доклад начальнику Генерального штаба! — в голосе слышалась скрытая угроза: — Можете идти, вы свободны.

Пошел я в свой отдел и стал спешно готовиться к докладу. Написал его обстоятельно и убедительно. Кроме того, заготовил спецсообщение Сталину, Молотову, Маленкову, Ворошилову, Тимошенко и Берии, в котором изложил основную суть сводки и доклада с общим выводом о реально нависшей угрозе со стороны Германии, и приложил сводку № 8.

Через несколько дней после рассылки сводки я получил весьма показательный отклик на нее. Позвонил начальник Академии Генштаба генерал–лейтенант Мордвинов:

— Слушайте, товарищ подполковник, я получил вашу последнюю продукцию. Действительно ли положение так серьезно, как указано у вас?

— Да, товарищ генерал, еще серьезней, чем написано.

— Да как же так? Ко мне в Академию ездят разные докладчики и говорят совершенно другое.

В то время, как я уже писал, был заключен пакт о дружбе с Германией и договор. С Мордвиновым мы были в хороших отношениях, и потому я позволил себе шутливо ответить:

— Гоните их в шею ко всем чертям, товарищ генерал! Они все врут.

Мордвинов засмеялся:

— Шеи у них толстые, не прошибешь… Ну ладно, будем разбираться.

…Но мне было не до смеха: стало ясно, что «докладчики» обрабатывают генштабистов по указанию свыше.

Через несколько дней (примерно в конце декабря) часа в два ночи (был такой дикий обычай работать по ночам!) в моем кабинете раздался звонок телефона. Поднимаю трубку. Голос Голикова:

— Вас ожидает для доклада начальник Генерального штаба.

— Товарищ генерал, — возражаю я, — да как же так можно? Надо же было предупредить меня, чтобы я подготовил доклад.

— Ничего не знаю. Вас ожидает начальник Генштаба! — с подчеркнутой резкостью сказал Голиков и бросил трубку.

Я порадовался своей предусмотрительности. «Ну, — думаю, — подвел бы ты меня, товарищ генерал, если бы я не подготовил материал заранее». И бегом в Генеральной штаб. Был я, конечно, очень взволнован, ведь стоял вопрос не только о моей личной судьбе как разведчика, но и о судьбе Родины.

Вбегаю в кабинет запыхавшись. Вижу — у стола стоят начальник Генштаба генерал армии Мерецков и его заместитель генерал Василевский[2]. Василевский тотчас пошел мне навстречу.

— Что с тобой? Что у тебя? — берет и осматривает мою левую руку. На пальце кровь. Когда и где я рассадил его — не заметил.

— Ну–ка сюда, к аптечке! — говорит Василевский. Залил йодом палец, быстро и ловко забинтовал. — Ну вот, а теперь докладывай, что у тебя накипело…

На большом столе я разложил карту и весь свой материал. Докладываю. Меня внимательно слушают, не прерывают. Закончил доклад часа в три ночи.

Мерецков и Василевский «ползали» по моей карте, внимательно изучая группировки немецких войск. Прикидывали, в каком направлении могут быть введены главные силы фашистов. Мерецков спросил меня:

— Когда, по вашему мнению, можно ожидать перехода немцев в наступление?

— Немцы, — отвечаю, — боятся наших весенних дорог, распутицы. Как только подсохнут дороги, в конце мая — начале июня можно ждать удара.

— Да, пожалуй, вы правы.

Мерецков и Василевский начали накоротке обмениваться между собой мыслями, прикидывать необходимое время для развертывания армии и приведения страны в боевую готовность. Говорили они тихо, но я услышал, что Василевский называл срок: шесть месяцев.

— Да, времени у нас в обрез, — сказал Мерецков, — надо немедленно будить Тимошенко и докладывать Сталину.

— Товарищ генерал! — обрадованный удачным результатом воскликнул я. — Если вы думаете изложить ему этот доклад, то он у него будет через два часа. Я направил ему такой же доклад фельдъегерской связью. В шесть часов утра он его получит, а два часа погоды не сделают и ничего не изменят.

— Ах так! Вы уже направили ему доклад?

— Да, конечно. И не только ему. Доклад и сводки посланы Сталину, Ворошилову, Маленкову, Берии и другим.

— Значит, к утру все будут знать о положении дел на границе?

— Конечно.

— Очень хорошо! Спасибо! — Мерецков пожал мне руку. — Вы свободны, идите отдыхать.

Из Генштаба я не шел, а летел на крыльях. Утренний морозец охлаждал разгоряченное лицо. «Вот хорошо, — думал, — есть в Генштабе светлые головы. Сегодня утром Мерецков и Василевский доложат Тимошенко, а затем Сталину о положении дел на границе. Будет, конечно, созвано экстренное заседание Политбюро, и оно примет важные решения о скрытой мобилизации, о развертывании армии и перестройке промышленности. Опыт войны во Франции будет изучен, и будут приняты решительные меры для повышения боевой подготовки армии, оснащения ее большим количеством артиллерии, противотанковыми и противовоздушными средствами. Будут созданы танковые армии; схлестнувшись с немецкой; танковой армией, они должны разбить ее наголову». Мечтал я и о том, что учение Д; М. Карбышева о применении оперативных инженерно–саперных заграждений типа «саперная армия» против танковых масс найдет свое отражение в армии. «Теперь, — думал, — вы, господа Браухичи и Рундштедты, получите по зубам. Это вам не Франция!».

Увы! Мечтам моим не суждено было сбыться даже в малой доле.

На совместном совещании Военного совета и Политбюро Мерецков заявил, что война с Германией неизбежна, что нужно переводить на военное положение армию и страну, укреплять границы. Его посчитали «паникером войны» и сняли с должности

начальника Генерального штаба. Не знаю, каким чудом уцелел Василевский, ведь он придерживался одних взглядов с Мерецковым и многими другими. Это просто счастье, что Василевского не арестовали! Неизвестно, как сложился бы ход войны, если бы не было Василевского. А в то время он тяжело заболел, что, возможно, и спасло его от расправы.

В информационном отделе было заведено круглосуточное дежурство. Дежурный офицер получал ночную зарубежную информацию. Это было важно для немедленной фиксации всех передвижений немецких частей и тыловых учреждений, например, подвижных полевых госпиталей. Такая, казалось бы, «мелочь», как прибытие полевых передвижных госпиталей, могла служить сигналом готовности немецкой армии к наступлению. Подвижные госпитали в мирное время не развертываются — потребность армии удовлетворяется стационарными, а при подготовке к наступлению они развертываются, готовятся к маршу, занимают исходное положение. Важно было зарегистрировать этот момент выдвижения. Поэтому мы и следили за немцами круглые сутки.

Голиков вызвал меня и грубо приказал отменить дежурства:

— Довольно мне здесь воевать и разводить панику.

Между тем сообщения о новых перебросках немецких войск на наши западные рубежи продолжали поступать. Наша тревога усиливалась. Не выдержав, я решил проверить, что же делается для обороны страны.

В оперативном управлении Генштаба работало несколько моих товарищей по Академии Генштаба. Среди них начальник Среднеазиатского отдела полковник Шарохин, начальник Западного генерал–майор Кокарев, начальник по тылу полковник Костин.

Шарохин на мой вопрос, что делается на наших западных границах, ответил:

— Знаю, что положение опасное, но что предпринимается с нашей стороны — не знаю. Может быть, я не в курсе. Зайди к Кокареву.

— А-а! — весело и радушно встретил меня Кокарев. — Разведка пришла. Здорово! Честь и место. А теперь скажи, что ты нас своими сводками пугаешь?

— Не я пугаю, а немцы. И не только пугают, а скоро бить нас будут.

Улыбка исчезла с лица Кокарева.

— Да, ты прав. Весной немцы ударят, а мы, как страусы, сунули головы в вороха бумаг, в «пакт о ненападении» и прочие немецкие «мирные заверения», и кричим о мире. А кто против —

так те «паникеры» и «провокаторы войны».

Новое начальство таких выгоняет. На границе у нас ничего нет. Наберется, может быть, 40 дивизий, да и те занимаются не тем, чем следовало бы…

— Для первого случая, — говорю я, — нужно не меньше ста дивизий.

— Что ты! Попробовали заикнуться еще при Мерецкове, но нам ответили, что для перемены дислокации только одной дивизии потребуются миллионы рублей. Ворошилов запретил даже говорить об этом…

Началась крутая расправа со всеми «паникерами» и «провокаторами войны», которые указывали на возможность военного нападения Германии. Коснулось это и разведки. Стали вызывать из–за рубежа всех «провинившихся».

Получил основательную нахлобучку помощник военного атташе по авиации в Берлине полковник Скорняков. Отозвали и другого помощника военного атташе — по бронетанковому делу — полковника Бажанова: тоже дали нахлобучку и демобилизовали. Нервное потрясение так подействовало на Бажанова, что он скончался.

От одного работника из Японии мне пришлось отводить удар. Мы считали этот источник информации очень хорошим. Он тоже подавал сигналы о неизбежности войны с Германией. Однажды мы получили из Японии сообщение, что Гитлер подписал приказ о войне против СССР.

Наше начальство оценило эту информацию как «паникерскую» и решило отозвать пославшего ее. Борьбу с «врагами народа» и «паникерами» в нашем управлении возглавлял заместитель начальника Разведупра генерал–майор Ильичев И. И. Он не умел, да и не хотел думать и слепо следовал по указанному Сталиным пути: раз классовая борьба обостряется, то проще всего в каждом работнике видеть потенциального врага народа, шпиона. Особенно в то время, в начале 1941 года, были вредны и опасны «паникеры», которые кричали о близкой и неизбежной войне с фашистами.

Однажды ко мне пришел, кажется, майор Мельников (не решаюсь утверждать с полной уверенностью).

— Ильичев требует дать отрицательную характеристику на источник «Рамзай» и подобрать на него материал. Он будет отозван.

— Почему отрицательную? Вы лично уверены, что «Рамзай» дезинформатор?

— Нет, наоборот. Мы считаем его самым лучшим источником. Его надо всеми силами оберегать. Если мы его

угробим, все наше хозяйство по этой стране развалится. Я прошу вас дать о его сообщениях совершенно объективный отзыв.

Я проверил все донесения «Рамзая» и убедился в их достоверности. Особенно убедительно было его сообщение об одном нашем полковнике, перешедшем на службу в японскую армию. В донесении сообщались все подробности о деятельности этого перебежчика в качестве советника японской армии.

Я знал его, этого перебежчика — его фамилия Фронт, — учились на одном курсе в Академии имени Фрунзе. После окончания Академии он попал советником в Монгольскую народную армию. Из Монголии перебежал к японцам.

Информация источника «Рамзай» была точной. В этом духе я и дал свой отзыв с таким выводом: «Нет никаких оснований подозревать источник «Рамзай» в дезинформации».

Не знаю, сыграло ли мое заключение какую–либо роль, но Зорге («Рамзай») не был отозван. До сего времени неизвестны причины его провала. И, кроме того, правительство ничего не предприняло для его спасения. Три года после своего провала Зорге просидел в тюрьме. За это время можно было принять меры для его спасения — обменять на японского агента или как–нибудь иначе, дипломатическим путем. Но это не было сделано. Зачем? Чтобы иметь живого свидетеля своего преступления?.. А история с награждением?! Только через 20 лет после смерти Зорге наградили — присвоили звание Героя Советского Союза, и то лишь потому, что о его подвиге узнали американцы. О Зорге заговорил весь мир. А ведь об этом подвиге было у нас известно давно. Нет, не хотел Сталин награждать Зорге! Гораздо проще было уничтожить такого важного свидетеля своей несостоятельности…

Помню еще двух товарищей, которым угрожала расправа.

Однажды Ильичев по телефону дал мне такое распоряжение:

— К вам сейчас зайдет полковник Савченко. Поговорите с ним и сообщите, имеет ли он какую–либо ценность для разведки. Предупреждаю, мы его считаем человеком неблагонадежным. Есть указание его демобилизовать.

— Хорошо, товарищ генерал, — отвечаю, — поговорю, выясню.

Через несколько минут зашел полковник Савченко. После взаимных приветствий усаживаю его в кресло. Закурили. Молча изучаю его. Внешне очень симпатичный человек. В глазах усталость и тревога. И почему он «неблагонадежный»? Слово–то какое гнусное, старорежимное. Первым нарушил молчание Савченко: …

— Як вам «наниматься», — и улыбнулся. Улыбка горькая,

вымученная.

Я решил поддержать эту горькую шутку.

— Хорошо, — говорю тоже с улыбкой, — а какая же ваша специальность и квалификация?

— Бывший военный атташе в Афганистане.

— Хорошая работа. А что же вам там не понравилось, почему оттуда ушли?

— Не я ушел, а меня «ушли».

Краснея и бледнея, прерывающимся от волнения голосом рассказал он о своей беде. Один из агентов ведомства Берии написал на него донос: якобы живет не по средствам, наверно, шпион. Подозрение ни на чем не основанное, все дело в том, что Савченко хорошо зарабатывал (жена его тоже работала) и купил себе дорогой радиоприемник.

В те времена отвести удар «стукача», что–либо доказать, было очень трудно, почти невозможно. Не смог этого сделать и Савченко. Его сняли с работы и представили к демобилизации.

Убедившись, что Савченко — очередная жертва нашей «бдительности», что человек он честный, преданный партии и Родине, я решил ему помочь. Позвонил Ильичеву, доложил: Савченко хорошо знает афганский язык (фарси), знает Восток, он из золотого фонда наших кадров, и увольнять его из армии не следует, я беру его в свой отдел.

Ильичев возразил: делать этого нельзя, Савченко политически ненадежен. Тогда я сказал, что беру ответственность на себя. В то время можно было брать на работу в информотдел любого офицера с любой политически отрицательной характеристикой, данной органами, но за этого офицера я отвечал головой.

— Ну–ну, смотрите, — сказал Ильичев и положил трубку.

Я не ошибся в Савченко. В информотделе он работал до самой войны, потом был на фронте, хорошо воевал. Возможно, он и не знает, что ему тогда грозило.

Еще в более тяжелом положении, чем Савченко, оказался полковник Тагиев. Он, хоть и был хороший работник, «провалился», как Зорге, — не всегда везет, однако ему удалось избежать ареста и скрыться. Потеряв связи с Центром, оставшись без средств, он был вынужден длительное время под видом дервиша скитаться по странам Востока. Все же ему удалось связаться с нашими работниками в одной из этих стран, и он возвратился в СССР.

А на родине его встретили как врага. Квартиру давно заняли, вещи разграбили, а самого представили к демобилизации.

И опять Ильичев лицемерно направил Тагиева ко мне для

выяснения его деловых качеств. От волнения, тяжких воспоминаний, обиды этот сильный, мужественный человек, опытный разведчик не мог сначала даже говорить со мной, плакал. Выслушав его трагическую историю, я был возмущен, мне было горько и стыдно за наше руководство, так бездушно относящееся к своим работникам. Полковник Тагиев прекрасно знал восточные языки, почти все восточные предполагаемые театры военных действий прошел собственными ногами. Его наблюдения были чрезвычайно ценны.

И опять я стал «отбивать» хорошего работника у Ильичева. Он возражал, предупреждал меня, говорил о «бдительности». Но я не поддался. Высказал свое возмущение и генералу Голикову. Надо в данном случае отдать ему справедливость. Он согласился принять Тагиева в информотдел, помог ему вернуть квартиру и возместить потерю имущества. Тагиев работал в информотделе над военно- географическим описанием ряда восточных стран и показал себя ценным сотрудником.

После нескольких столкновений с руководством я, продолжая отстаивать свою «паникерскую» позицию, почувствовал, что надо мной собираются тучи. Со дня на день я ждал, когда будет разрядка, гадал: насмерть убьет или только «оглушит»?

И вот в начале мая 1941 года входит ко мне незнакомый генерал.

— Я новый начальник информотдела генерал–майор Дронов, — представился он, — кажется, это для вас неожиданность?

— Да, — отвечаю, пытаясь скрыть волнение, — приказа об этом я не читал, меня даже устно не предупредили. Разрешите позвонить генералу Голикову.

— Пожалуйста.

Звоню:

— Товарищ генерал, когда прикажете сдавать дела генерал–майору Дронову?

— Сдавайте сейчас же.

— Есть сдавать сейчас же.

Передал я Дронову бумаги, книги, сейф и вышел из кабинета. «Ну вот, — думаю, — началось… Чем дальше угощать будут?»

Долго ждать не пришлось. Вызвали в отдел кадров.

— Не желаете ли поехать в отпуск? — спросил меня его начальник полковник Кондратов. I

— Но я же был в отпуске в этом году… По закону два отпуска в год не полагается.

— Ничего, — успокаивает Кондратов, — в нашей системе полагается. Начальство… — с нажимом на это слово сказал он, —

.начальство предлагает вам выехать в Одессу в дом отдыха Разведупра.

Если начальство так обо мне «заботится» — разве можно возражать?

В начале июня я выехал в Одессу. С какими чувствами — можете сами догадаться…

Я жил в период начала и расцвета культа личности Сталина и являюсь живым свидетелем его последствий. При мне происходили массовые аресты, при мне физически уничтожали неугодных Сталину и его приближенным ни в чем не повинных людей, в первую очередь офицерские кадры. Я был маленький человек, незаметный разведчик — подполковник, но по долгу службы в Разведупре знал много государственных тайн и имел некоторое представление о центральном партийном, советском и военном руководстве. Кроме того, числился «паникером» и «провокатором войны», к тому же непокорным, смеющим «свое суждение иметь». Так что было ясно, что со мной поступят так же, как поступали со многими другими разведчиками…

В июне по воле начальства я отдыхал в Одессе.

Одесский дом отдыха закрытого типа, куда меня «сослали» до поры до времени, был расположен на прибрежном крутояре в густом чудесном парке. — Дом был полупустым. Среди отдыхающих — несколько разведчиков из–за рубежа, а большинство — члены семей. Все условия для отдыха были выше всякой придирчивой и капризной критики. Но я приехал с тяжелым грузом тревог и сомнений, и меня не привлекали ни тенистые аллеи парка, ни пляж. Под впечатлением столкновений с начальством я был подавлен, переживал за судьбу Родины, видел нависшую над ней опасность. В глубине души тревожил меня червячок сомнений: а вдруг я ошибаюсь? Однако сколько и как, можно сказать, «с пристрастием» я ни проверял себя и свои поступки, все и всегда сводилось к одному: нет, я не ошибся, как член партии и гражданин Советского Союза не мог и не имел права поступать иначе. Тревожила меня мысль о том, что наши войска не успеют развернуться и последует сокрушительный внезапный удар.

Настроение немного поднялось, когда я встретился с начальником разведотдела Одесского военного округа полковником Гаевым, приехавшим навестить жену. Он был моим товарищем по Академии имени Фрунзе, кроме того, мы работали в одной системе. Положение на границе Гаев расценивал так же, как и я. Он рассказал, что войска Одесского военного округа под видом учений развернуты на границе и взяли с собой боеприпасы. Стало легче на душе. «Ну, — думаю, — если все округа так

поступили, то это хоть в малой степени предупредит внезапный удар фашистов».

В Одесском доме отдыха Разведупра были собраны «на отдых» все «провокаторы войны», которые слишком назойливо писали о неизбежности нападения Германии, по–видимому, для того, чтобы они здесь «подумали» и покаялись в своих «заблуждениях». И мне была предоставлена возможность подумать и покаяться, а если «нет», то предстояло исчезнуть навсегда. Жил я в одной комнате с одним нашим резидентом. Он прибыл «на отдых» из–за рубежа тоже не по своей воле. Полностью раскрываться нам, разведчикам, не полагалось, и я мог только догадываться, что приехал он из Германии.

Очень нелегко давалась ему работа резидента. Почти мой ровесник, он выглядел хилым стариком — худой, морщинистый, руки дрожат. Объяснялось это, по мнению врачей, истощением нервной системы. Его вызвали из Германии «отдыхать», поскольку он слишком настойчиво и активно доказывал, что фашисты вскоре нападут на Советский Союз. Перед тем как отправить его в Одессу, начальник Разведупра Голиков сделал ему строгое внушение «за паникерство».

Как резидент он имел хорошую «крышу» — был директором ремонтной автотранспортной фирмы. Так вот, этот «директор фирмы» повторял — со многими дополнениями — те сведения, которые мне уже были известны. Я не раскрывал своего прежнего служебного положения и того, что тоже отнесен к категории «паникеров». «Директор фирмы» возмущался близорукостью начальства и страстно уверял меня в неизбежности войны с Германией. Сетовал он и на то, что одни оскорбления получал в награду за правдивую и точную информацию, за многолетнюю без провалов службу, от которой стал преждевременно инвалидом. Я сочувствовал ему, понимая, что нелегальная работа за рубежом пожирает все физические силы разведчика.

Убежден, что нет большего подвига на благо Родины, чем труд разведчика. И в то же время мало по отношению к кому было столь неблагодарно наше сталинское правительство, как к разведчикам. Открытое признание героизма Зорге, хотя бы посмертно, — первый случай в нашей истории, и, по–видимому, объясняется это только тем, что о нем заговорила мировая общественность.

Было немного смешно, что «директор фирмы» всерьез возмущался нераспорядительностью начальства, которое вызвало его в Москву, не позаботившись о передаче фирмы кому–либо.

— У меня же «крыша» может развалиться! — возмущался он. — Я же директор фирмы. У меня рабочие и служащие. Дело я

вел без убытков, были даже доходы. Надо было так ликвидировать дело, чтобы не понести убытков. Зачем же пропадать государственному добру?

Развал «фирмы» его огорчал не меньше, чем политическая близорукость начальства. Делами «фирмы» он без конца морочил мне голову.

14 июня я сидел в палате, раздумывая, что же будет, как станут развиваться военные события. Тут мне принесли «Правду». Читаю сообщение ТАСС. Черным по белому напечатано: «… Германия так же неуклонно соблюдает условия Советско–германского пакта о ненападении, как и Советский Союз… Слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы» (снова цитирую по памяти).

Прочитав, я остолбенел. Да что же это? Немецкая дезинформация совсем ослепила Сталина. И что теперь будет со мной, паникером и провокатором войны (уже без кавычек)? Расстреляют!

Пришел мой сосед, «директор фирмы». Даю ему газету.

— Вот ты предупреждал о неизбежности войны с Германией… На, читай сообщение ТАСС — никакой войны не будет!

Он прочел и говорит:

— Дураки они, эти работники ТАСС… Да нет, дураки повыше!

— Ага, значит, и ты считаешь, что война неизбежна. Я раньше тебя это понял — и за это сюда попал… Что же нас теперь ожидает? Да ладно, поживем — увидим! Пошли купаться!

Больше к этому разговору мы не возвращались.

Утром 22 июня мы с «директором фирмы» тоже пошли на пляж. Погода стояла чудесная, солнечная, тихая. На пляже было уже много народу. Я люблю море, люблю заплывать далеко–далеко. А мой спутник плавать не умел. Я дал ему наказ:

— Загорай и стереги мою одежду.

Плавал в полное свое удовольствие часа два. Возвращаясь к *берету,* увидел,

что пляж, с утра покрытый цветными пятнами зонтиков и женских' купальников, совершенно пуст. Только моя одежда лежала сиротливо. В полном недоумении, предчувствуя какую–то беду, я оделся и побежал к дому отдыха. А навстречу мне бежал «директор фирмы» и кричал:

— Василий Андреевич! Война! Выступал Молотов. Немецкая авиация бомбила наши города. Вот тебе и ТАСС! — Выпалив новость торжествующе и растерянно, он ждал, какое впечатление она произвела на меня.

Признаюсь, эта новость ударила меня, как дубина. Психологически я был готов к ней, но где–то в глубине души теплилась надежда на ТАСС: а может быть, правительство больше знает и «минует нас чаша сия». Вопреки фактам хотелось верить в это как в некое чудо. Пытаясь самому себе придать бодрости, я сказал:

— Ну что ж, директор, теперь нас уже не расстреляют как провокаторов войны, а если что и пропало, так это твоя «фирма». Списывай все убытки на войну.

Время было обеденное. Только мы уселись за стол, директор дома отдыха принес мне радиограмму из Москвы — приказ Разведупра: «Немедленно выехать к месту новой службы город Львов начальником Разведотдела Шестой армии. Кондратов».

Вот и решилась моя судьба.

Публикация А. В. Новобранца

КОММЕНТАРИИ КАНДИДАТА ВОЕННЫХ НАУК ЮРИЯ НИКОЛАЕВИЧА ЗОРЯ

По роду своих занятий мне пришлось изучать материалы Нюрнбергского процесса над нацистскими преступниками, и я имел доступ к документам, которые свидетельствовали о подготовке гитлеровской Германии к нападению на СССР. Уже в военные и послевоенные годы было ясно, что внезапность войны — это миф, культивируемый сталинским руководством, однако миф этот оказался настолько живуч и жизнестоек, что многие верят в него и сегодня.

Мы только делаем попытки сказать правду о тех годах, в то время как наиболее добросовестные западные историки, давно уже продвинувшись дальше нас в этом вопросе, сделали свои выводы, заявив однозначно: не было внезапного нападения на СССР, советская разведка информировала сталинское руководство не только о подготовке Германии к войне, но и о времени ее начала.

В 1973 году в США вышла книга американского исследователя Бартона Уэлея «Под кодовым названием «Барбаросса», и в ней автор пишет: «Сталину докладывали о признаках и времени готовящегося Гитлером нападения на СССР. На фоне этих докладов кажется невероятным, что Сталин оказался неспособным осознать опасность и не предпринять каких–либо действий по ее предупреждению…»

Говоря о том, что советская разведка сумела заблаговременно вскрыть подготовку Гитлера к войне, американский исследователь делает вывод, что в неудачах начального периода войны главная вина лежит на Сталине и его окружении, не принявших во внимание данных советской военной разведки, попавших в ловушку, расставленную Гитлером.

Подобный вывод в значительной мере подтверждает и маршал Г. К. Жуков. В своих воспоминаниях он рассказывает о проведении в декабре 1940 года военно–стратегической игры, которой руководил начальник Генерального штаба К. А. Мерецков. Эта игра отражала соотношение сил СССР и Германии и учитывала все особенности действий немецко–фашистских войск в Европе. Данные о противнике подготовила военная разведка. Многое в этой игре предопределило то, с чем в, начальный период войны пришлось столкнуться нашим войскам. Ее результаты могли бы стать основой для прогнозирования операций будущих сражений, однако этого не случилось,

поскольку ни Сталин, ни его ближайшее окружение не приняли оценки противника, сделанной Генеральным штабом на основе данных нашей военной разведки. Более того, работа военной разведки вызывала недоверие у Сталина, и не одна сотня разведчиков была уничтожена по его указанию.

Сразу же по окончании военно–стратегической игры был смещен с должности начальника Генерального штаба К. А. Мерецков, а на его место назначили Г. К. Жукова, для которого Сталин в то время был величайшим, непогрешимым авторитетом. Все это дает повод считать, что подобное развитие событий после военной игры было одним из наиболее существенных просчетов руководства страны, приведших к трагическим последствиям начального периода Великой Отечественной войны.

Исходя из того, что «Разведывательная сводка № 8» за подписью В. А. Новобранца была подготовлена к декабрю 1940 года, можно считать, что и она была положена в основу оценки противника при планировании проводившейся в том же декабре военно–стратегической игры. Подлинными документами подтвержден и факт его доклада «О франко–германской войне 1939–40 гг.», подготовленного для руководства страны. Сопоставляя данные «Разведывательной сводки № 8» со ставшими известными документами верховного главнокомандования германских вооруженных сил, можно сделать вывод, что наша военная разведка еще до подписания Гитлером Директивы № 21 по варианту «Барбаросса», в которой речь шла о непосредственной агрессии на СССР, еще на ранней стадии вскрыла факты непосредственной подготовки Германии к войне.

Вот как об этом пишет в своей книге Бартон У элей: «Во время войны для Сталина стало очевидным, что ГРУ (Главное разведывательное управление. — Ю. З.) является основным источником надежной информации, обеспечивающим поступление большого количества точных, своевременных сведений, по существу, по всем замыслам германского верховного главнокомандования. Оно добыло в том числе заблаговременно полные и точные данные по плану «Барбаросса…»

Вскрыть факт подготовки Германии к агрессии на самой ранней стадии было делом сложным. Но еще труднее было сделать это в условиях активно и целенаправленно проводимой нацистами дезинформации, которая, надо это признать, была весьма изощренной. Обвиняя Гитлера в коварстве и вероломстве, следует признать высокий профессионализм немецкой разведки в планировании и проведении дезинформационных мероприятий, их умение учитывать слабые стороны нашего военно–политического руководства.

Вот несколько выдержек из «Документальной хроники непосредственной подготовки вооруженных сил гитлеровской Германии к нападению на СССР (июнь 1940 — 22 июня 1941)», составленной по документам верховного главнокомандования вооруженных сил Германии. Большая их часть прошла международную юридическую экспертизу во время Нюрнбергского процесса и, на мой взгляд, весьма красноречиво свидетельствует о масштабах дезинформационных мероприятий.

«…Директива верховного главнокомандования вооруженных сил относительно мероприятий по введению противника в заблуждение…» «…Независимо от того, будем ли мы… осуществлять высадку в Англии, необходимо постоянно оказывать соответствующее давление на английский народ и вооруженные силы Англии… Обеспечение единообразия… сообщений, которые должны доходить до противника различными путями (в частности, через военного атташе), является задачей… заграничной контрразведки…

В ходе приготовлений речь может идти о введении запрета в определенных районах для передвижения гражданских лиц, чтобы повысить степень достоверности приготовлений… Лица, которым поручено вести соответствующую работу, не должны, кроме круга лиц, определенных главнокомандующими видами вооруженных сил, знать, что речь идет о мерах по введению противника в заблуждение…» (7 августа 1940 г.)

«…Указания ОКВ. Управлению военной разведки и контрразведки.

В ближайшие недели концентрация войск на Востоке значительно увеличится… Из этих наших перегруппировок у России ни в коем случае не должно сложиться впечатление, что мы подготавливаем наступление на Восток… Для работы собственной разведки, как и для возможных ответов на запросы русской разведки, следует руководствоваться следующими основными принципиальными положениями.

— Маскировать общую численность немецких войск на Востоке, по возможности, распространением слухов и известий о якобы интенсивной замене войсковых соединений, происходящей в этом районе. Передвижения войск обосновывать их переводом в учебные лагеря, переформированием…

— Создавать впечатление, что основное направление в наших перемещениях сдвинуто в южные районы генерал–губернаторства… и что концентрация войск на Севере относительно невелика…

…5. Работы по улучшению сети шоссейных и железных дорог и аэродромов объяснять необходимостью развития вновь

завоеванных восточных областей, ссылаясь при этом на то, что они ведутся нормальными темпами и служат главным образом экономическим целям…» (27 августа 1940 г.)

«…Директива верховного главнокомандования вооруженных сил об отсрочке проведения операции «Морской лев» до весны 1941 года.

1. Фюрер принял решение о том, чтобы приготовления к высадке в Англию с настоящего времени и до весны сохранялись лишь как средство политического давления на Англию.

…а) необходимо у англичан сохранять впечатление, что мы продолжаем готовить высадку широким фронтом…» (27 октября 1940 г.)

«…Директива № 21. «План Барбаросса».

…Приказ о стратегическом развертывании вооруженных сил против Советского Союза я отдам в случае необходимости за восемь недель до намеченного срока начала операций.

Приготовления, требующие более продолжительного времени, если они еще не начались, следует начать уже сейчас и закончить к 15.5.1941 г.

Решающее значение должно быть придано тому, чтобы наши намерения напасть не были разгаданы…

Число офицеров, привлекаемых для первоначальных приготовлений, должно быть максимально ограниченным. Остальных сотрудников, участие которых необходимо, следует привлекать к работе как можно позже и знакомить только с частными сторонами подготовки, необходимыми для исполнения служебных обязанностей… Иначе имеется опасность возникновения серьезнейших политических и военных осложнений в результате раскрытия наших приготовлений, сроки которых еще не назначены…

Адольф Гитлер». (18 декабря 1940 г.)

«Руководящие указания начальника штаба верховного главнокомандования по маскировке подготовки агрессии против Советского Союза.

…Цель маскировки — скрыть от противника подготовку к операции «Барбаросса». Эта главная цель и определяет все меры, направленные на введение противника в заблуждение.

Чтобы выполнить поставленную задачу, необходимо на первом этапе, т. е. приблизительно до середины апреля, сохранять ту неопределенность информации о наших намерениях, которая существует в настоящее время…

…Порядок осуществления дезинформации.

1. Информационная служба (организуется начальником управления разведки и контрразведки). Принцип: экономное

использование версии об общей тенденции нашей политики и только по тем каналам и теми способами, которые будут указаны начальником управления разведки и контрразведки.

Последний организует также передачу нашим атташе в нейтральных странах и атташе нейтральных стран в Берлине дезинформационных сведений. Эти сведения должны носить отрывочный характер, но отвечать одной общей тенденции.

…4. По мере накопления на Востоке все более крупных сил нужно будет предпринимать такие меры, которые способны запутать представления о наших дальнейших планах…» (15 февраля 1941 г.)

«…Распоряжение начальника штаба верховного главнокомандования вооруженных сил от 12 мая 1941 г. по проведению второй фазы дезинформации противника в целях сохранения скрытности сосредоточения сил против Советского Союза.

— Вторая фаза дезинформации противника начинается с введением максимально уплотненного графика движения эшелонов 22 мая. В этот момент усилия высших штабов и прочих участвующих в дезинформации органов должны быть в повышенной мере направлены на то, чтобы представить сосредоточение сил к операции «Барбаросса» как широко задуманный маневр с целью ввести в заблуждение… противника. По этой же причине необходимо особенно энергично продолжать подготовку к Нападению на Англию. Принцип таков: чем ближе день начала операций, тем грубее могут быть средства, используемые для маскировки наших намерений…

— Все наши усилия окажутся напрасными, если немецкие войска определенно узнают о предстоящем нападении и распространят эти сведения по стране… Распоряжения по этому вопросу должны разрабатываться для всех вооруженных сил в централизованном порядке…

…4….вскоре на ряд министерств будут возложены задания, связанные с демонстративными действиями против Англии…»

Американский историк Бартон Уэлей, работая над своей книгой, опирался на библиографический материал и документы из архивов США, Великобритании, ФРГ и других западных стран, что дало ему возможность проанализировать более 100 вариантов информации о подготовке германской агрессии против СССР, добытой нашими разведчиками, а также примерно 70 эпизодов, связанных с мероприятиями, которые проводили нацисты с целью дезинформировать руководство нашей страны. Вот что пишет Бартон Уэлей о работе германской разведки: «Ошибочная оценка Сталиным положения накануне войны была прямым следствием

проводившейся Гитлером дезинформации, при которой умело использовалась некоторая часть достоверных данных, домыслы и слухи. С помощью такой дезинформации достигалась маскировка направления и времени удара, а также скрывалось само намерение нанести его…»

Нужно отметить, что дезинформация поступала по многим каналам, в том числе и по тем, которые использовались нашей военной разведкой. Например, тот служащий германского посольства в Москве, который упоминается В. А. Новобранцем, наряду с достоверными сведениями сообщал данные, поступавшие в посольство в результате централизованной дезинформации. Материалы подобного характера шли в руководство и через органы наркоматов иностранных и внутренних дел, и зачастую их передавали Сталину непосредственно, без соответствующего анализа, который могла квалифицированно сделать только военная разведка. И она делала его вопреки Сталину, что нередко приводило к трагическому для наших разведчиков финалу. Например, только война спасла от гибели В. А. Новобранца.

Из–за страха разоблачения мифа о «внезапности» войны были арестованы и многие годы провели в сталинских лагерях сотни разведчиков, чьи имена канули в Лету. Замалчивалась деятельность Шандора Радо, Леопольда Треппера, Рихарда Зорге и многих других. Долгие годы считалось, что, к примеру, «Красная капелла» — мифическая, никогда не существовавшая разведывательная организация, чуть ли не выдуманная гитлеровцами. В этом утверждении правда лишь то, что название это придумано гестаповцами, хотя организация советской военной разведки в Германии существовала и действовала.

Времена меняются, и мы наконец начинаем узнавать о событиях нашей истории не только из иностранных источников, но и по воспоминаниям участников этих событий, которые подтверждаются имеющимися документами. 'Хотя воспоминания В. А. Новобранца не раскрывают структуру, организацией методы работы нашей военной разведки, однако о ее деятельности в предвоенный период сказано немало и правдиво. Особый интерес заслуживает его рассказ о том, как обрабатывалась и докладывалась руководству информация о противнике накануне войны. Теперь, когда мы знаем о том, чего это стоило нашим разведчикам, их работа обретает трагически высокий смысл.

Немецкая разведка сделала свое дело. 22 июня 1941 года генерал Гальдер записал в своем дневнике: «…Все армии… перешли в наступление согласно плану. Наступление наших войск явилось для противника полной тактической внезапностью.

Пограничные мосты через р. Буг и другие реки всюду захвачены нашими войсками без боя и в полной сохранности. О полной неожиданности нашего наступления для противника свидетельствует тот факт, что части были захвачены врасплох в казарменном расположении, самолеты стояли на аэродромах, покрытые брезентом, а передовые части, внезапно атакованные нашими войсками, запрашивали командование о том, что им делать. Можно ожидать еще большего влияния элемента внезапности на дальнейший ход событий в результате быстрого продвижения наших подвижных частей…»

К чему привело преступное небрежение Сталина работой советских разведчиков, его недальновидность и неспособность оценить военную и политическую ситуацию того времени, говорит не только этот фрагмент из дневника Гальдера, но и весь ход боевых действий начала войны.

Войны, в которой наш народ понес величайшие потери.

notes

Примечания

1

Г. К. Жуков упоминает еще 10 дивизий в Румынии. (Прим. ред.). 12. «Знамя» МЬ 16.

Рудольф Г е с с — один из главных немецко–фашистских преступников, личный секретарь Гитлера, а затем его заместитель по партии, в 1941 году прилетел в Великобританию с предложением мира. (Прим. ре д.).

2

А. М. Василевский в то время был зам. начальника оперативного управления. (Прим. ре д.).